

Сергей Лазарев

10 класс, МБ НОУ «Гимназия №70», Новокузнецк

Рецензия на спектакль Новокузнецкого драматического театра

«Вишневый сад», режиссер Петр Шерешевский

Последняя пьеса Антона Павловича Чехова «Вишневый сад» была написана в начале прошлого века, а именно в тысяча девятьсот третьем году. Спустя сто шестнадцать лет она остается одной из самых популярных и актуальных пьес великого драматурга. Сегодня «Вишневый сад» – пьеса про нас, людей, оказавшихся, как и герои комедии, на разломе времени и путающихся в этом сложном поединке прошлого, настоящего и будущего. Сколько раз цвел «Вишневый сад» на русской сцене и сколько раз зрители наблюдали иронию над «недотепами» и бодрую надежду на новую жизнь? Достаточно. Впервые пьеса была поставлена Станиславским и Немировичем-Данченко в тысяча девятьсот четвертом году на сцене МХТ. Затем к ней обращались Мейерхольд, Додин, Эфрос, Шапиро и многие другие. В Новокузнецкой драме за эту постановку взялся Петр Шерешевский, ставивший «Дядю Ваню» в Норильске, «Три сестры» в Барнауле, «Иванова» также в Новокузнецке. Нет только «Чайки», но отсылки к ней уже видны. Первое, что бросается в глаза, – жанр, который определен как футуристические фантазии в одном действии. Полная противоположность Чехову, где целых четыре действия.

Театральный спектакль пробуждает чувства зрителя не менее сильно, чем книга воздействует на читателя. Однако осмыслить театральные впечатления достаточно сложно. Так получилось и с «Вишневым садом» на Новокузнецкой сцене. Весь спектакль пропитан необычными движениями героев и футуристической атмосферой, что было непонятно многим зрителям. Многие уходили задумавшимися,

многие уходили в непонимании, а некоторые и вовсе уходили, не дожидаясь финала.

Первое, что видит зритель, который зашел в зал – «открытое закулисье». На переднем плане сидит актер (далее станет понятно, что это старик Фирс, которого играет Александр Шрейтер), которому поправляют грим. Вся сценическая площадка заставлена старинными стульями, между которыми расположились современные мониторы. На протяжении всего спектакля, на них изображен бинарный код, который как бы погружает нас в будущее. Зрителю сразу видно противостояние прошлого и современного. Позади сцены установлены камеры, куда периодически будут подсаживаться и говорить актеры. Во время спектакля сценография почти не меняется. После традиционного третьего звонка сверху опускаются огромные декорации, похожие на подвешенную карусель над детской кроваткой. К ней прикреплены театральные фильтры, похожие на осколки. Художник-постановщик Надежда Лопардина вместе с Петром Шерешевским решили погрузить зрителя в атмосферу детской комнаты, ведь именно в нее приходит Любовь Раневская, как только приезжает в имение. То, что происходило на сцене в течение спектакля, действительно было как в детской. Актеры делали резкие механические движения, подобно куклам. Гаев (Анатолий Смирнов) строил из старинных стульев башню, будто из кубиков, и в мгновение ока уже оказывался на ее вершине. Варя (Алена Сигорская) носила на себе Аню (Полину Зуеву), а Дуняша (Вера Кораблина) и вовсе периодически прыгала на Яшу (Андрея Грачева). Старик Фирс все время ходил по кругу, держась за «осколки» и приводя в движение карусели. Что значит круг в футуристических фантазиях Шерешевского? Предположу, что непрерывность как времени, как и жизни. Фирс остается приверженцем старых правил и обычаев, поэтому все время держится за «осколки» прошлого времени, которые уже никогда не соберутся в единое целое. Во конце спектакля почти точь-в-точь повторяется рисунок и

последовательность действий: приезд Раневской, разговор за чашкой кофе, Фирс, который кладет босые ноги своей хозяйки на себя. Все как сначала, только текст другой.

Новокузнецкий «Вишневый сад» получился резким. Несмотря на то, что все первое действие играется почти дословно, дальше почти все убрано. Третье действие режиссер решает вообще превратить в некое ток-шоу. Тут игодились камеры, установленные позади сцены. На сцене появляется актер, игравший обычного человека (Игорь Омельченко), с банкой пива и чипсами. Остальные актеры садились перед камерой и «открывали свои души», а в это время картинка выводилась на мониторы. На экранах также появлялась женщина-робот, являющаяся антиподом Фирса, так как она характеризует будущее. Вначале спектакля и была отсылка к «Чайке». Робот говорит монолог Нины Заречной: *«Люди, львы, орлы и куропатки...»*, который описывает то, как сказал Треплев, *«...что будет через двести тысяч лет!»*. Затем зрители еще услышат и прогноз футуролога, который озвучивает также женщина-робот. И вообще, этот спектакль просто пропитан футуризмом: и робот с механическим голосом, и современные мониторы, и проникновенная электронная музыка, и странные прозрачные листы, которыми актеры оборачивают себя, находясь тем самым в некой капсуле (это отображено на афише, где можно увидеть Илону Литвиненко в роли Раневской).

Говоря про резкость, также можно привести в пример Любовь Андреевну. Не зря брат называл ее порочной. Она и рвет зубами письмо из Парижа, и, раздвинув ноги, вытаскивает из чулка парижское послание, и практически насилует Петю (Андрея Жилина). Она, пожалуй, самая откровенная и беспощадная героиня в этой постановке. Поэтому в конце она одна застревает в своем времени. Возможно, это можно считать ее наказанием. С ней бы остался и Фирс, но Шерешевский хоронит его прямо на сцене, забрасывая пластиковыми цветами. Казалось, вот уже

конец, даже Фирса похоронили, но нет. Это не финал. Под прекрасный вальс Штрауса они все, кроме Раневской, застывшей в одном положении, начинают праздновать начало новой жизни. Вишневый сад продан. Но тут встречается Любовь Андреевна:

Любовь Андреевна. Продан вишневый сад?

Лопухин. Продан.

Любовь Андреевна. Кто купил?

Лопухин. Я купил.

Этот диалог продолжался, казалось, бесконечно, пока Лопухин (Андрей Ковзель) не перебивает ее: *«А чего вы не послушали меня?»*. Тут все встает на свои места. Новокузнецкий «Вишневый сад» – спектакль-трагедия Раневской. Завершить постановку режиссер решает монологом Ани из третьего действия: *«Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая...»*. Но Аня только смотрит на свою мать, а слова говорит женщина-робот, потому что становится понятно, что все они отпустили свое прошлое и ушли в будущее. Теперь они такие же роботы, как на экране.

«Вишневый сад – метафора прекрасного, но нежизнеспособного, обреченного на вымирание. Наступает цифровая реальность. Грядет новая ступень эволюции. Как признать, что все проживаемые нами чувства, мысли – все это незначительно и обречено на вымирание? Как признать, что сами мы – лишь чернозем, для возникновения нового вида?»
– *Петр Шерешевский.*

Новокузнецкий «Вишневый сад» – самое настоящее проявление современного театра. Поэтому этот спектакль, если можно так сказать, поставлен в не том месте и в не то время. Неизвестно, как бы отреагировали жители столицы на данную постановку, но в Новокузнецке

большинство зрителей, посещающих эту постановку – это молодежь. Взрослый зритель ожидал чего-то менее кричащего. Вряд ли кого-то обрадуют слова о том, что будущая жизнь – люди-роботы или еще хуже. Но все же, режиссер поставил перед собой проблему, проблему этого нахождения на разломе времени. И, посмотрев спектакль Петра Шерешевского, можно сказать, что точка зрения режиссера заключается в том, что мы никуда не убежим от современных технологий. В любом случае найдутся те, кто будет рад будущему, и те, кто будут как Раневская в данной постановке. Могу предположить, что спустя время этот спектакль станет более актуальным и найдет своего зрителя. Остается только ждать.